

12+

Отель Астерион

Мириам Хагалас

Мириам Хагалас

Отель Астерион

«Издательские решения»

Хагалас М.

Отель Астерион / М. Хагалас — «Издательские решения»,

Амбициозный лингвист Кирилл Орлов получает письмо из Греции: профессор Димитриос Аргирис предлагает расшифровать загадочную табличку с острова Тасос. Но что, если это не ключ к древней мудрости, а ловушка? По мере расшифровки символов границы реальности размываются: прошлое и настоящее переплетаются, а каждая разгаданная строка приближает Кирилла к пугающей истине о самом себе.

© Хагалас М.

© Издательские решения

Содержание

Отель Астерион	6
Часть 2. Знакомство с профессором Аргирисом	9
Часть 3. Библиотека. Знакомство с Софией	11
Часть 4. Символы и знаки	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Отель Астерион

Мириам Хагалас

© Мириам Хагалас, 2026

ISBN 978-5-0070-0347-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Отель Астерион

Часть 1. Прибытие

Орлов механически перелистал корреспонденцию, скопившуюся за неделю. Счета, рекламные буклеты, скучные научные журналы — всё это он отправил в «корзину», не глядя. Но одно письмо заставило его замереть. На логотипе красовался герб с изображением совы и оливковой ветви — символ малоизвестного греческого научного общества.

«Уважаемый Кирилл Александрович! Недавно на острове Тасос была обнаружена табличка с незнакомой системой письменности. Прочсть её не представляется возможным современными методами. Мы наслышаны о Вашем уникальном опыте в структурной лингвистике и создании универсальных знаковых систем. Не согласитесь ли Вы поработать над анализом данного артефакта? Готовы предоставить все имеющиеся материалы и обеспечить доступ к находке».

Внизу стояла размашистая подпись: «Профессор Димитриос Аргирис, Фонд исторических исследований Эгейского региона».

Орлов перечитал письмо трижды, и впервые за последние месяцы на губах его появилась улыбка. Он откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Ещё три месяца назад он был на грани отчаяния. Память прокрутила тот самый день.

Кирилл уверенно и торжественно начал свою речь на научной конференции. Голос звенел металлом. Слова сыпались и сверкали, как бисер:

— В современном мире, где глобализация и цифровизация требуют более эффективных способов межкультурного и междисциплинарного взаимодействия, мой проект «Универсальный язык коммуникации» представляет собой единственную систему, способную стать инструментом для всего человечества. В основе этого языка лежит синтез когнитивных, лингвистических принципов, а также новейших открытий в области нейронаук, искусственного интеллекта и семиотики. Созданный мною язык — это новый способ передачи информации!

Он даже не осмыслил их возражений потом. В каком-то отупении Орлов видел, как затряслись головы, открылись рты, запрыгали бороды и усы в бессмысленном водопаде звуков: «Ваш искусственный язык навязывает единственную модель мышления, лишает человека культурной идентичности», «проект — сухой кодекс правил. Как только он перестанет поддерживаться автором, то превратится в мёртвый язык, подобный эсперанто в худшие его времена».

Никогда в жизни Кирилл не испытывал такого унижения и обиды. Так бесславно уронить авторитет положения. Но со временем, когда страсти улеглись, он с ужасом почувствовал: то, что ему казалось ярким и убедительным, вдруг потускнело и потеряло смысл. В душе он проклинал эти расползающиеся клочки прежнего энтузиазма.

И вдруг письмо из Греции! Всё это так неожиданно и стремительно ворвалось в неопределенность жизни. В груди разгорался огонь, которого он не чувствовал уже много недель. Что ж, возможно, ему просто нужно сменить направление поиска — от созидания идеального к разгадке тайного.

Орлов поднялся из-за стола. Плечи распрямились сами собой. Он подошёл к окну, за которым шуршал неторопливый московский дождик, но перед глазами уже плескалось ласковое Эгейское море.

— Я согласен, — тихо произнёс он в пустоту кабинета.

Решение принято. Он летит в Грецию! Да. Он бежал. Но бежал в конкретном, определённом направлении.

Спустя две недели Орлов вышел из машины и ступил на землю, полную тепла и умиротворения. Перед глазами открылось нечто, захватывающее дух: в тонком, прозрачном тумане дали — подёрнутые нежным бархатом макушки сосен, а над ними — простор, невиданный, полный движения и звуков. Далеко внизу разлилось море с белоснежными пляжами. Воздух напоен густым ароматом нагретой хвои и свежестью морского бриза.

Дом профессора Аргириса, белоснежный с терракотовой черепичной крышей, возвышался на холме, густо поросшем кипарисами. Невысокие, аккуратно подстриженные самшитовые изгороди обрамляли клумбы, где под палящим солнцем застыли алая герань да гордые канны.

Орлов остановился, не в силах отвести взгляд от фонтана у входа. Струи, тонкие и гибкие, взмывали ввысь и, словно обессилев от напряжения и усталости, сыпались алмазным дождём вниз. В этом непрерывном движении была неутолимая жажда жизни.

Кирилл поднялся по широким ступеням, которые вели к массивной деревянной двери, украшенной искусной резьбой с меандром. На мгновение замер, вздохнул и, справившись с накатившим внезапно волнением, нажал на звонок.

Холл был просторен. Стены — облицованы белым мрамором. Но особенно поразительным было мозаичное панно, украшавшее пол. Оно воспроизводило картину художника Филоксена «Битва Александра с Дарием»: вздыбленные кони, раненый воин, объятый ужасом персидский владыка и ликующий Александр!

Управляющий предупредительно поклонился:

— Добро пожаловать, господин Орлов! Ваша комната готова. Профессор просил передать, что будет рад видеть вас в своём кабинете через три часа.

«Странная, однако, манера встречать гостей», — подумал Орлов. — «Впрочем, со своим уставом в чужой монастырь не лезут».

— Кстати, забыл спросить... — Бросил через плечо Кирилл, — на фасаде висит табличка «Отель Астерион»? Почему?

— Профессор выкупил это здание пятнадцать лет назад. — Управляющий грустно вздохнул. — Раньше здесь отдыхали туристы...

Интерьер комнаты был воплощением ушедшей эпохи. Мебель изготовлена из тёмного дерева. Тяжёлые бархатные шторы глубокого, насыщенного цвета обрамляли окна, создавая уютную полутьму даже в самый жаркий полдень. В углу — внушительный письменный стол. Орлов провёл рукой по прохладной глади стола, чувствуя, как душа наполняется покоем и тихой радостью.

Закончив распаковку дорожных вещей, он извлёк из чемодана верных спутников — ноутбук и блокнот. Это был давний, привычный ритуал, своего рода священнодействие перед началом любого важного дела. Сначала — план, обдуманный и чёткий, затем — фиксация рождающихся новых впечатлений. Он открыл блокнот:

«День первый. Прибыл в дом профессора. Чувствую некоторую робость, вызванную полной неопределённостью предстоящих занятий. План действий таков...»

Он отложил ручку, ощущая, как легкая усталость пробегает по телу. Прилег на кровать и стал бесцельно рассматривать комнату. Перевел взгляд на глянцевую поверхность каминной полки, по которой струился ручейком солнечный свет, и вдруг увидел стоящую на ней коробку с надписью: «Орлову»...

Ого, неужели это то, о чём я думаю!? Табличка оказалась довольно увесистой. Имела около двадцати сантиметров в длину, её поверхность была испещрена мельчайшими символами. Орлов почувствовал, как горячая волна залила лицо и шею. Он открыл дневник и внёс необходимые записи:

«Поверхность подверглась значительной эрозии из-за воздействия солёных морских ветров. Это привело к сглаживанию граней некоторых знаков. Предположительно памятник дунайского протописма, до эпохи последнего неолита (примерно 5260 год до нашей эры).

Знаки аналогичны тем, что содержатся на табличке Диспилио, найденной в 1993 году. Очень интересно... Редкий артефакт! Однако прочесть табличку Диспилио пока не удалось никому. Микенцы могли изменить произношение некоторых знаков, адаптируя их под свою фонетику. Придётся использовать метод билингв или комбинаторные методы, провести 3D-сканирование для создания точной цифровой модели. Это позволит восстановить утраченные детали знаков. Затем осуществить химический анализ поверхности для датировки, расширить зону раскопок в месте находки для поиска аналогичных артефактов».

Да... работы предстоит много. Кирилл почувствовал, как внутри него зарождается азарт первооткрывателя. Это было начало. Начало чего-то неизведанного, захватывающего.

Часть 2. Знакомство с профессором Аргирисом

Кабинет профессора располагался в северном крыле дома. Дверь, на которой висела табличка с надписью «Здесь нет входа», была приоткрыта. Кирилл в недоумении остановился. Фраза звучала не как запрет, а как насмешка, брошенная в пустоту коридора.

В кабинете царил полумрак и глубокая тишина. За массивным столом сидел мужчина лет шестидесяти пяти. Седые волосы уложены назад с почти маниакальной аккуратностью. На запястье поблёскивали старинные часы — массивный серебряный круг на кожаном ремешке. Секундная стрелка двигалась рывками, словно спотыкалась о невидимое препятствие. Возможно, механизм нуждался в чистке, а возможно, так и было задумано: время для этого человека не текло плавно, оно застревало, мучительно колебалось, прежде чем сделать следующий шаг.

Профессор не поднял головы. Он был полностью поглощён книгой, на обложке которой не было названия. Этот факт не ускользнул от внимания Кирилла. Книга без имени — идеальный объект для человека, который сам казался вырванным из контекста какой-то забытой истории. Аргирис медленно перелистывал страницы, и в движениях его была такая завораживающая медлительность, словно он пытался вычитать между строк нечто большее, чем просто текст.

В комнате повисла настороженная тишина. Кирилл понял: он находится в присутствии человека, сложного и противоречивого, чья истинная сущность была скрыта так же надёжно, как и название книги в его руках.

— А, господин Орлов, — Профессор поднял взгляд. Глаза холодны, словно арктический лёд. — Рад, что вы приняли моё приглашение. Хотя правильнее было бы сказать: остров предоставил вам эту возможность.

Кирилл сел в предложенное кресло, чувствуя, как кожаная обивка услужливо принимает форму тела.

— Ваше приглашение было любезным, — Орлов постарался придать своему голосу твёрдость.

Профессор натужно улыбнулся.

— Я пригласил вас не случайно. Выбор всегда обусловлен обстоятельствами. Вы приехали в место, где язык — не просто инструмент для исследования...

Кирилл напрягся. В воздухе повисла неловкая пауза.

— Что вы знаете о моём проекте, профессор?

Аргирис встал. Кинул ехидно-колющий взгляд на собеседника:

— Достаточно, чтобы понять: вы пытались создать язык, который исключал бы двусмысленность. Какая восхитительная наивность! Это всё равно, что пытаться нарисовать портрет души с помощью линейки и циркуля. Но разве не в двусмысленности истинное богатство коммуникации? Разве не в паузе между словами рождается смысл?

Он подошёл к полке с книгами. Взял том в кожаном переплёте и протянул Кириллу.

Тот открыл книгу. Страницы были девственно чисты.

— Ваш запасной блокнот, — пояснил директор с едва уловимой усмешкой. — Иногда гениальные идеи приходят тогда, когда бумага девственно чиста.

— Что вы хотите этим сказать?

— Как лингвист, вы должны понимать: контекст — всегда важнее текста.

Кирилл почувствовал, как внутри поднимается волна раздражения, глупого, почти детского.

— Я приехал работать, а не философствовать, — отрезал он, но фраза прозвучала неубедительно даже для него самого.

Профессор, казалось, не заметил резкости тона. Он вернулся к столу, двигаясь с той грацией, с какой дрейфует айсберг: величественно и неспешно.

— Сама работа лингвиста — есть философия, — произнёс профессор с добродушной усмешкой. — Здесь, на острове, знаки не просто что-то обозначают. Они живут. А вы готовы к диалогу, где ответом станет новый вопрос, к разговору, который никогда не закончится, потому что цель его — не истина, а сам процесс блуждания в её поисках?

— Я предпочитаю конкретные задачи, — сухо ответил Орлов, чувствуя себя шахматной фигурой, которую противник передвигает по доске с издевательской лёгкостью.

— Конкретные задачи? — Аргирис позволил себе лёгкую усмешку, в которой было больше жалости, чем высокомерия. — Как это практично. Но разве ваша работа — не попытка поймать туман в сачок, не попытка упорядочить хаос, создать систему там, где природа задумала игру? Орлов, вы пытались построить Вавилонскую башню наоборот, хотели не небес достичь, а спустить их на землю, в ваши аккуратные таблицы и схемы. — Он сделал паузу, давая словам повиснуть в воздухе. — В нём не осталось места для поэзии, для ошибки! Но именно ошибки делают нас людьми, не так ли? Вы же пытались создать язык для богов или для машин. Что, в сущности, одно и то же...

Кирилл сдавил подлокотники кресла. Правда сжалась в комок. Слова профессора были не просто уколами. Это были точные хирургические надрезы, вскрывающие его собственный, тщательно скрываемый страх. Страх того, что вся его жизнь, все изыскания — лишь бессмысленная попытка остановить прилив волны с помощью чайной ложки.

— Вы говорите так, будто уже знаете ответ, — голос Кирилла прозвучал хрипло. — Будто видели финал этого эксперимента.

Аргирис медленно обошёл стол и остановился у окна, спиной к Орлову.

— Финал? — он не обернулся. — О, мой дорогой Кирилл. Вы позволите себя так называть? Здесь, на острове, мы давно перестали верить в финалы. Мы, эллины, верим в трансформации. В то, что язык — это не клетка, а зеркало, которое мы подносим к бездне. И иногда бездна смотрит в ответ...

Он стоял неподвижно, и лишь секундная стрелка его наручных часов продолжала свой судорожный, прерывистый танец. Кирилл ждал. Он ждал продолжения, объяснения, хоть чего-то. Но профессор молчал. Всё говорило о том, что разговор был окончен.

Часть 3. Библиотека. Знакомство с Софией

На второй день, ранним утром, управляющий принёс от профессора записку: «Библиотека находится в восточном крыле корпуса. Удачи».

Библиотека встретила холодным, пахнущим старой бумагой и пылью дыханием. Кирилл направился сюда, движимый наивной верой рационалиста в то, что истина может быть найдена, классифицирована и поставлена на полку. Он искал опору в трудах классиков, надеясь, что их гранитный авторитет поможет выстроить бастион против той зыбкой реальности, которую навязывал Аргирис.

Помещение подавляло своими размерами. Стеллажи устремлялись под самый потолок, теряясь в сумраке бесконечного лабиринта. В углу, забытый и одинокий, — глобус с выцветшими континентами, границы которого казались такими же условными, как и правила странной игры профессора. На корешках книг значились знакомые, почти священные имена — те самые столпы, на которых зиждилось ремесло Орлова.

Кирилл снял с полки «Курс общей лингвистики» Соссюра. Внутри оказалось сухое, педантичное руководство по уходу за орхидеями! Орлов нахмурился. Это было не просто недоразумение. Это была пощёчина, нанесённая с безупречной вежливостью. Он поставил книгу на место. Взял другую — «Логико-философский трактат» Витгенштейна. Страницы содержали сложные чертежи гидравлических систем! Он начал проверять другие тома, и с каждой новой находкой раздражение сменялось глухой тревогой. «Грамматология» Деррида — дневник путешественника по Амазонии, полный описаний ядовитых растений.

Что это? Розыгрыш? Насмешка над самой сутью его работы?

— Удивительное место, не правда ли? — раздался голос за спиной Орлова.

Кирилл обернулся. Перед ним стояла женщина лет тридцати пяти. У неё были короткие каштановые волосы и ироничная улыбка человека, который давно понял правила игры и получает от неё удовольствие. В глазах плясали искорки смеха.

— София, — она протянула руку. Ладонь была сухой и прохладной. — Я философ, биоэтик. Вижу, вы уже столкнулись с особенностями местной библиотеки.

— Это какой-то розыгрыш? — Голос Кирилла прозвучал резче, чем он намеревался. — Книги перепутаны! Или переплёт перепутан?

— Или это система каталогизации, которую нужно разгадать. — В её тоне не было ни капли удивления. — Попробуйте найти книгу по вопросу, а не по названию.

Кирилл посмотрел на неё с нескрываемым сомнением. Идея казалась абсурдной, но разве не абсурдом было всё происходящее?

— Хочу понять природу символов на табличке, — произнёс он, обращаясь скорее к себе, чем к Софии.

Почти наугад протянул руку и взял первый попавшийся том — «Феноменология восприятия» Мерло-Понти. Открыл на случайной странице. Взгляд сразу выхватил строку: «Знак — не отражение реальности, а приглашение к её интерпретации. Когда мы читаем, то не просто расшифровываем, а участвуем в создании смысла».

София широко улыбнулась:

— Видите? Иногда случайность приводит к нужным идеям гораздо вернее, чем прямой поиск. Остров — место, где можно позволить себе быть открытым к неожиданностям. — Она сделала паузу, глядя ему прямо в глаза. — Если, конечно, вы готовы отказаться от иллюзии контроля.

Кирилл медленно закрыл книгу. Тишина библиотеки, нарушаемая лишь их дыханием, казалась оглушительной. Он посмотрел на обложку, на имя Мерло-Понти, а затем на Софию. В

её улыбке не было ни капли превосходства, лишь спокойное понимание того хаоса, в который был погружён Орлов.

— Иллюзия контроля, — повторил он тихо, словно пробуя фразу на вкус. Она отдавала горечью и давно забытой свободой. — Это то, что вы, философы, называете «границами понимания»? То, что мы принимаем за порядок, а на самом деле — лишь договорённость с хаосом?

София отошла от стеллажа и прислонилась к массивному деревянному столу, заваленному фолиантами, которые, казалось, никто не открывал столетиями.

— Понимаете, Кирилл, — она впервые назвала его по имени, и это прозвучало не фамильярно, а как констатация факта, как включение его в некий закрытый список единомышленников. — Мы все — пленники языка. Мы думаем, что используем его, чтобы описывать мир. Но на самом деле это мир использует нас, чтобы описывать себя через нас. Я работаю у профессора уже год, и вот, что я вам скажу: этот остров — увеличительное стекло. Он не создаёт парадоксы. Он лишь показывает то, что уже существует. Профессор познакомил меня с вашим научным изысканием. Вы пытались создать язык без двусмысленности. Но разве попытка исключить неопределённость — не самое неопределённое предприятие из всех возможных?

Её слова били точно в цель, в ту самую уязвимую точку его проекта, в которой он сам боялся себе признаться.

— Вы говорите, как Аргирис, — заметил он, пытаясь скрыть смятение.

София рассмеялась. Это был низкий, грудной смех, лишённый всякой искусственности.

— О, нет! Аргирис наблюдает. Он расставляет знаки. Её взгляд стал серьёзным. — Скажите, Кирилл, когда вы листали эти книги, чертежи гидравлики, инструкцию по орхидеям, что вы почувствовали? Не думали, а именно почувствовали?

Кирилл замер. Вопрос был неожиданным, бил ниже пояса, в ту область, которую он привык держать запертой на все замки ото всех.

— Я чувствовал себя обманутым, — собственный голос показался чужим. — А ещё чувствовал раздражение. Будто кто-то смеётся над моей работой. Надо мной.

— А может, не над вашей работой? — мягко возразила София. — Может, над вашим представлением о том, какой она должна быть? Остров не даёт ответов, Кирилл. Он задаёт вопросы.

В библиотеке повисла гнетущая тишина. Орлов смотрел на Софию, на её спокойное лицо, и впервые за всё время пребывания здесь ощутил не раздражение и не тревогу, а холодок настоящего, первобытного страха. Страх перед тем, что его мир, такой логичный и упорядоченный, может рухнуть от одного правильно заданного вопроса.

Кирилл замолчал. Не потому, что ему нечего было сказать, а потому, что любые слова сейчас казались фальшивыми, как позолота на дешёвой статуэтке. Он чувствовал себя шахматной фигурой, которая вдруг осознала, что игра идёт не на доске, а в жизненном пространстве, и правила игры меняются с каждым ходом. София не торопила его. Она просто ждала.

— Вы говорите так, будто язык — это живое существо, — наконец произнёс он.

— А разве нет? — София вскинула бровь. — Он проникает в нас в детстве, перестраивает нейронные связи, диктует, как видеть мир. Мы думаем, что владеем им, но на самом деле мы лишь его временные носители. Его сосуды. А вы хотите создать стерильный сосуд. Но разве жизнь возможна в абсолютной стерильности?

Она подошла к глобусу и легонько прокрутила его. Старый шар заскрипел.

— Посмотрите на это. Карта мира. Границы. Названия. Всё так чётко, так логично. Но ведь это ложь! Это договорная реальность. А что если в языке какого-то племени нет слова «синий», «государство», «континент», и они видят мир иначе? Вы создаёте язык без двусмысленности, и что получаете? Мир без теней. Но мир без теней — это плоский мир.

Кирилл смотрел на вращающийся глобус, на размывающиеся очертания континентов.

— И что вы предлагаете? — спросил он с горечью. — Принять хаос?

София остановила глобус пальцем. Её улыбка стала почти печальной. — Я предлагаю вам перестать быть инженером и стать садовником. Инженер пытается подчинить природу. Садовник же знает, что его задача — не контролировать рост, а создавать условия. Убирать сорняки, да. Но не пытаться заставить розу расти по линейке. Она сделала шаг навстречу и заглянула прямо в глаза Кирилла. — Ваш проект был обречён не потому, что труден. А потому, что его цель — смерть языка. Вы хотите мумифицировать живое общение.

Повисла тишина.

— А вы? — спросил он тихо. — Что ищете здесь вы?

София усмехнулась, но теперь в её усмешке не было иронии.

— Я? Я ищу того, кто задаст мне правильный вопрос, — ответила она и отвернулась.

Кирилл остался один. Не физически — София всё ещё была в библиотеке, её силуэт чётко вырисовывался на фоне окна. Но он был один в своём понимании. Игра начиналась...

Часть 4. Символы и знаки

Орлов вернулся в номер. Голова шла кругом. Не от усталости, а от странного, почти осязаемого ощущения, будто он прикоснулся к чему-то запретному. Он достал из стола табличку, положил её под свет лампы и начал зарисовывать символы в блокнот:

1. ○ (круг с точкой) — солярный символ? Встречается в неолитических культурах. Смысл чего? Самопознание?

2. → (стрелка вправо) — универсальное обозначение направления. Но куда она указывает? К истине или в пропасть?

3. ≈ (волнистая линия) — вода? Движение? Или просто метафора зыбкости его собственных выводов?

4. ⊥ (линия с перекладиной) — ворота? Мост? Или барьер между тем, что мы знаем, и тем, что боимся узнать?

В дверь настойчиво постучали. На пороге стоял профессор. В руках он держал две чашки из тонкого фарфора. Массивная фигура двинулась вперёд, не дожидаясь приглашения, словно комната принадлежала одному ему.

— Вижу, вы начали работу, — в его голосе прозвучала нотка удовлетворения. — Эти символы — не мёртвый язык, Кирилл. Не смотрите на них через призму собственных знаний.

— Знаки имеют значение, которое можно установить через анализ. Иначе коммуникация перестает существовать, — возразил Орлов, стараясь придать голосу твёрдость.

Аргирис медленно пил чай. Аромат был незнакомым — терпким, с нотками чего-то горелого.

— А что, если коммуникация — это не передача информации, а синхронизация знаний? — тихо спросил он. — Представьте на мгновение, что табличка не сообщает вам что-то. Она заставляет вас думать определённым образом. Как камертон задаёт тон струне.

Кирилл хотел возразить, процитировать Витгенштейна: «Границы моего языка означают границы моего мира». Но слова застряли в горле. Аргирис поставил чашку на стол осторожно, почти ритуально.

— Вы ищете однозначность, жаждете структуры. Но язык — не танец интерпретаций. Эти символы... — он кивнул на каменную табличку, лежащую между ними, — могут быть календарными отметками фермеров, магическими знаками жрецов или даже детскими каракулями тысячелетней давности. Поймите, их истинное значение рождается не в них самих, а в том, кто на них смотрит.

Кирилл провёл ладонью по поверхности таблички. Пальцы ощутили шероховатости, сколы и едва заметные углубления от времени или инструмента.

— Но должна быть система! — почти выкрикнул он, теряя самообладание. — Структура! Иначе это просто хаос!

Профессор улыбнулся снисходительно и хищно одновременно.

— А если система — в отсутствии системы? Что, если главная функция этих знаков — не хранить информацию? Что, если их цель — пробуждать мысль? Заставлять задавать вопросы?

Он поднялся с кресла и подошёл к окну. За стеклом сгустились сумерки, превращая пейзаж в размытую акварель.

— Познакомьтесь с художником Лораном! — его голос стал тише. — Он нашёл эту табличку у подножия Священной оливы. Хорошего вечера...

Дверь за профессором закрылась. Кирилл остался один на один с ворохом вопросов, которые вдруг показались ему опаснее любых ответов. Он проглотил рассуждения профессора,

как рыба проглатывает крючок с приманкой, и теперь этот крючок разрывал его внутренности. Странные и мучительные мысли парализовали. Он посмотрел на чашку с чаем. Пар поднимался к потолку, складываясь в причудливые узоры. В узорах он вдруг увидел тот самый круг с точкой $\bigcirc$. На миг ему показалось, что тень от чашки на стене стала похожа на стрелку $\rightarrow$, указывающую прямо на него. За окном смеркалось. Тишина сходилась на мир и властно обнимала всё. Кирилл включил лампу. Тёплый круг света упал на стол, выхватив из полумрака тишины островок, где разворачивалась его личная археологическая экспедиция. Он взял в руку тяжёлую лупу, и мир мгновенно сузился до размеров отполированного стекла. Приближение не упростило, а чудовищно усложнило картину. То, что издалика казалось примитивной графикой, вблизи обрело плоть и историю. Круг с точкой оказался не просто геометрической фигурой. Вокруг центральной, выжженной солнцем или временем сердцевины змеились семь концентрических окружностей. Каждая из них была испещрена микроскопическими насечками, похожими на ритуальные зарубки. Семь слоёв. Семь небес? Семь кругов ада? Или просто семь циклов чего-то, что человеческий разум не способен постичь? Стрелка, указующая вправо, выглядела как рана. Её остриё было намеренно зазубренным, хищным. На самом кончике застыла крошечная, почти иссохшая капля тёмного вещества. «Кровь? Краска? Древесная смола?» — прошептал он в пустоту комнаты. Волнистая линия распалась на три параллельных штриха. Они не текли плавно, а пересекались под немыслимым углом, создавая не статичный рисунок, а эффект мучительного, вынужденного движения. Будто вода огибала некое препятствие. Линия с перекладиной таила в себе механическую загадку. Перекладина крепилась не вплотную, а с едва заметным зазором. Приглядевшись внимательнее, Кирилл заметил в местах креплений въевшуюся ржавчину, призрачный след металла. Значит, когда-то эта деталь была съёмной. Табличка была не монолитом, а механизмом? Частью чего-то большего? Но чего?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.